

И. А. ГОФШТЕТТЕР

Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории (по личным воспоминаниям)¹

<Фрагмент>

Таинственный странник

Его появлению на петербургском горизонте предшествовали смутные слухи о каком-то замечательном страннике, временами появляющемся в столице из глухой провинции, из далекой сибирской деревни. Судьба случайно столкнула меня с двумя семействами, в жизни которых он сыграл большую роль. Работая в редакции оппозиционной газеты «Россия» *, впоследствии закрытой распоряжением правительства за несколько пасквильный памфлет Амфитеатрова против царской семьи **, я встречался там с инженером Л[охтиным] ***. До своего появления в журналистике он занимал крупную должность по министерству путей сообщения в большом провинциальном городе, вел широкую жизнь, не стеснялся в средствах и не во всех кругах общества пользовался безупречной репутацией. Потерявши место начальника округа, предприимчивый делец сначала попробовал счастья в литературе,

¹ Печатается по: *Гофштеттер И. А.* Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории (по личным воспоминаниям). М., 2017. С. 38–57.

* «Россия» — ежедневная газета либерального направления, выходившая в Санкт-Петербурге в 1899–1902 гг. С изданием сотрудничали писатель А. Амфитеатров, журналист Вл. Дорошевич, репортер Вл. Гиляровский, театральный критик Ю. Беляев, профессор П. И. Ковалевский. Издатель — М. О. Альберт. Главный редактор Г. П. Сазонов, друг И. А. Гофштеттера.

** *Амфитеатров Александр Валентинович* (1862–1938) — прозаик, драматург, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, автор сатирических стихотворений. Газета «Россия» запрещена цензурой в 1902 г. из-за публикации фельетона «Господа Обмановы», в котором усмотрели сатиру на царскую семью.

*** *Лохтин Владимир Михайлович* (1849–1919) — действительный статский советник — по Табели о рангах чин, равный генеральскому, инженер-гидротехник.

но вскоре предпочел уехать в Сибирь на золотые прииски, кажется, в качестве директора какой-то полуиностранный компании. Через полгода он снова стал появляться в редакции, но чрезвычайно сумрачный и расстроенный. Не знаю почему, он избрал меня доверенным своих семейных огорчений, досаждал мне с ними не только в редакции, но и у меня на дому, и наконец потребовал, чтоб я непременно приехал к нему на обед, познакомился с его женой и в качестве постороннего наблюдателя, знакомого с современными религиозно-философскими и эстетическими исканиями, разъяснил бы ему, что такое происходит в его семье.

— Я вернулся из Сибири уже три недели и решительно не узнаю своего дома, — взволнованно жаловался он. — У нас появилось новое общество какое-то, декадентствующие священники, ведутся совершенно непонятные для меня разговоры про какого-то святого странника, и все это для меня так ново и чуждо, словно я попал не в свою, а в чужую семью. Мы с женой душа в душу прожили пятнадцать лет, а теперь между нами словно стена какая-то выросла. Поймите, что в моей семье вся моя жизнь, я ею живу, для нее работаю и чувствую, что все идет прахом... валюсь в какую-то темную бездну, и не за что зацепиться. Вы написали книгу о декадентах. Бога ради, помогите же мне как-нибудь разобраться в этом хаосе, которого я совершенно не понимаю и который отнимает от меня самое дорогое, что есть в жизни...

Все это говорилось с глубоким волнением и с еле сдерживаемыми рыданиями. Хотя навязываемая мне роль какого-то литературного эксперта по семейным разладам была довольно-таки странной и комичной и сам Л[охтин] не внушал мне теплой симпатии, но по-человечески мне было неловко отказать в такой просьбе, и пришлось ехать на обед.

Декадентствующая генеральша*, ищущая «истины жизни» великосветская инженерша произвела на меня впечатление красивой и умной, холодной и самоуверенно-властной женщины. С первого же взгляда становилось очевидным, что она была царицей семьи. Ей поклонялись и муж, и дети-подростки, и гости, среди которых выделялся молодой священник, выступавший в религиозно-философском обществе. Когда муж управлял округом, она затмевала своими туалетами и приемами всех губернских сановниц, и для поддержания этого мишурного блеска несчастный путейский генерал, быть может, часто был вынужден больше думать о приращении своих доходов, чем о своем служебном долге. Вообще такой тип властных и царственных хищниц мне лично

* *Лохтина Ольга Владимировна* (1862 — не ранее 1924) — известная почитательница Г. Е. Распутина, супруга В. М. Лохтина.

очень несимпатичен, поэтому я воспользовался первым приличным предложением, чтобы раскланяться и уехать домой.

После этого визита прошло месяца три. И вот эту самую царственную леди я встретил вечером у одних знакомых, но уже совсем не в царственном виде: ее голова была покрыта темным платочком, вместо изящного модного платья был какой-то поношенный балахон, на ногах — грубые стучащие дешевые башмаки. В таком виде хозяйка дома встретила ее на паперти Знаменской церкви в обществе нищенок и странниц и привела к себе. И это чудесное превращение эгоистически-холодной и властной нарядной генеральши, которую три месяца назад я наблюдал в роли хозяйки званого обеда, в бездомную, почти босоногую странницу на церковной паперти произвел, оказывается, все тот же таинственный «старец Григорий».

Оказалось, что бедному путейскому генералу пришлось не по вкусу непонятные страннические чудачества, и взбунтовавшийся раб, попросту говоря, выгнал свою царицу из дома. Ее не остановила ни многолетняя привычка к изысканному комфорту, ни любовь к детям, ни привязанность к мужу, ни страх перед общественным мнением. Она все отвергла, всем пожертвовала, от всего отрешилась и пошла странницей по зову таинственного «старца». В душах людских происходят иногда вулканические перевороты — и жертвой такой морально-психологической катастрофы сделалась совершенно не понятая и не оцененная мной при первом знакомстве очаровательная генеральша. Задним числом я чувствовал себя глубоко виноватым перед ней за свою деревянную нечуткость к душевным переживаниям ближнего и, естественно, захотел чем-нибудь загладить свой невольный грех тупого неверия и моральной брезгливости. Поэтому, когда хозяева дома стали обсуждать создавшееся положение и скрепя сердце выразили готовность предложить изгнаннице временный приют у себя, хотя ее присутствие могло быть связано для них с неприятными осложнениями, я предложил им более удобную комбинацию: переселить Ольгу Владимировну в наш загородный дом. Они с радостью ухватились за такой счастливый исход. Сама Ольга Владимировна сначала решительно отказалась от переезда к нам из-за незнакомства с моей женой*, но я обещал ей, что она почувствует себя у нас больше дома, чем даже в своей собственной семье. Этот многозначительный аргумент сразу поборол все ее колебания, и в тот же вечер она водворилась у нас на Поклонной горе верстах в пятнадцать от Петербурга.

* *Гофштеттер Лидия Эрастовна* (ур. княжна Ухтомская) — жена И. А. Гофштеттера, приятельница жены В. В. Розанова В. Д. Бутягиной.

Ее потрясенная пережитой катастрофой душа скоро отдохнула и оправилась в нашей трудовой полусельской обстановке. Почти непрерывно занятый то писанием статей, то текущими работами в редакции, я мало сталкивался с жившей у нас генеральшей, но жене моей она много рассказывала об «открывшем ей свет старце Григории». Ее рассказы рисовали его как необыкновенного прозорливца духа, властителя сердец и душ и вызывали интерес к этой загадочной личности.

Почти одновременно его таинственное влияние сказалось и на другой близкой нам семье — на семье видного писателя Р[озанова]*. Его падчерица, умная, но неуравновешенная девушка лет двадцати, в каком-то кружке встретила с Григорием и сразу была охвачена господствовавшим среди членов кружка увлечением его личностью. Ее мать, не очень просвещенная, но исключительно чуткая и даровитая женщина, сразу истолковала увлечение дочери слишком односторонне и с героической решимостью насадки, спасающей своего цыпленка от хищного ястреба, почти силой вырвала ее из кружка григорьевских поклонниц. Под впечатлением хвалебных рассказов генеральши опасения милой Р[озано]вой казались нам дутыми и фантастическими, но, быть может, ясновидящему материнскому инстинкту открыто больше, чем самому строгому логическому рассуждению со стороны.

Первая встреча с Распутиным

Эти факты и впечатления предшествовали моей личной встрече с Распутиным, подобно тому как появлению королей на оперной сцене предшествуют герольды и вестники с трубами.

Наконец в гостиной одного литератора, С[азанова]**, я воочию увидел того, о ком уже трубил весь Петербург. Когда нас познакомили, мне навстречу поднялся человек среднего роста, с длинной темно-русой бородой, в темной поддевке и высоких сапогах. Общее впечатление от всей фигуры — что-то среднее между крестьянином и мелким деревенским торговцем. На то, что перед вами не заурядный деревенский прасол***,

* *Розанов Василий Васильевич* (1856–1919) — религиозный философ, писатель, литературный критик и публицист. Был знаком с Распутиным, обращался в своих произведениях к его образу. *Розанов В.* Апокалипсическая секта (хлысты и скопцы). СПб., 1914; *Письма В. Розанова к Э. Голлербаху.* Берлин, 1922; и др.

** *Сазанов Георгий Петрович* (ок. 1857–?) — редактор газеты «Россия», журнала «Экономист России», писатель, экономист.

*** *Прасол* (устар.) — оптовый скупщик скота и разных припасов (обычно мяса, рыбы) для перепродажи.

указывали только впалые, глубоко сидящие глаза с каким-то острым, беспокойным, временами злым и напряженным взглядом да бледное, истомленное лицо аскета.

— Это ты Ольгу приютил? — спросил он меня, как-то весь насторожившись.

— Да, она жила у нас, а теперь дня уже два ее что-то не видать. Кажется, ушла куда-то в другое место.

— Спасибо, спасибо тебе: ей спервоначала уж очень трудно было. У тебя жена добрая. Не в себя живете. А ты чем промышляешь-то? Какое твоё занятие?

— В газетах пишу, начальство обижаю...

— Не плохое дело, если по правде пишешь. Это все равно что Божье служение.

О себе он сообщил, что он сибирский крестьянин. Имеет хорошее хозяйство и рыбную ловлю.

— Зимой по морозцу и твоей хозяйке рыбки привезу.

— А чему ты поучаешь народ на ваших собраниях? — спросил я у него. — У тебя какая-нибудь особая вера?

— Вера наша обыкновенная, православная. Молимся Богу, Отцу нашему, читаем божественное. Стараемся и понимать все, и жить по-божьему, чтобы все как братья и сестры были. Толкуем, просвещаемся, доходим умом.

Он сразу поднялся и заторопился уходить. На просьбы хозяев остаться попить чаю он объяснил, что еще час назад должен был быть у епископа Гермогена*, да вот разговорился с нами и опоздал.

— Поедем со мной к епископу, — неожиданно предложил он мне. Я отказался.

— Почто не хочешь?

— Да я, по правде сказать, не больно-то люблю архиереев и духовных.

— В Бога не веруешь? — строго и нахмурясь спросил Григорий.

— Бог — это одно, а архиереи — совсем другое, — возразил я.

— Вот это ты правильно: Бог одно, а архиереи — другое, — как-то радостно и сразу просветлев, согласился он со мной. — А только Гермогеном не брезгуй: он хороший, праведного духа епископ...

* *Епископ Гермоген* (Георгий Ефремович Долганов; 1859–1918) — в 1917 г. епископ Тобольский и Сибирский. В ноябре 1981 г. решением Архиерейского собора Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) канонизирован в лике священномученика со включением в Собор новомучеников и исповедников Российских и установлением памяти 16 июня. В 2000 г. его имя было внесено в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

Впоследствии мне приходилось бывать на собраниях распутинцев, но ничего похожего на проповеди я у них не слышал. Были отдельные разговоры, вопросы и ответы, иногда бегло брошенные наставления и поучения, — и только. Быть может, при всей близости ко мне Распутин не находил нужным открываться мне в своей религиозной работе, считая меня неверующим или мало верующим интеллигентом. Кроме того, по самому своему духовному строю он был, по-видимому, даже неспособен к произнесению проповедей, вообще — к длинной, связной и последовательной речи. Ему стоило огромных усилий долго сосредотачивать внимание на одной мысли. Если вы объясняли ему что-нибудь более или менее сложное, первые минуты он слушал вас напряженно и сосредоточенно, но вслед за тем его внимание быстро утомлялось, мысли рассеивались и глаза начинали бегать по сторонам. Как у всех людей большого мистического дара, у него была удивительно-утонченная способность восприятия — внутреннего охватывания того, что находилось за пределами его сознательной мысли и логического понимания.

Распутин о Толстом

Когда после смерти отлученного от Церкви Льва Толстого государь послал сочувственную телеграмму вдове великого писателя, популярный черносотенный агитатор иеромонах Илиодор*, тогда уже проникший через Распутина в высшие сферы, послал через Вырубову** телеграмму государю с грубым и резким порицанием за сочувствие отлученному еретику.

Вырубова не решилась передать илиодоровское послание и не знала, как с ним быть. Я предложил вызвать Илиодора и Распутина, надеясь, что мне удастся объяснить им правоту государя. Первым приехал Распутин. Я ему объяснил религиозное значение Толстого, которого он, разумеется, никогда не читал, рассказал о том, как раньше, до его писаний, в самых передовых и просвещенных домах всяческий разговор о религии считался почти неприличным, как доказательство отсталости и необразованности. Толстой доказал, что голый ум может привести только к самоубийству, что без веры жить нельзя. Сам, как слишком большой умствователь, он уверовать не мог, но зато привел

* *Иеромонах Илиодор* (Сергей Михайлович Труфанов; 1880–1952) — иеромонах-расстрига, русский духовный и политический деятель.

** *Вырубова Анна Александровна* (ур. Танеева; 1884–1964) — фрейлина и подруга императрицы Александры Федоровны, одна из самых восторженных почитательниц Г. Е. Распутина. Автор воспоминаний: *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы из моей жизни. Париж, 1922.

к признанию необходимости веры все русское общество — точь-в-точь как Моисей, который после сорокалетних скитаний привел свой народ к Земле обетованной, но сам не вступил на нее и умер в пустыне.

Эти рассуждения были для безграмотного мужика очень сложными и отвлеченными, но Григорий сразу воспринял их и прекрасно формулировал в мистическом освещении на своем образном языке:

— Если все от Бога, то, значит, каждый человек несет службу Божью по-своему, — сказал он в раздумье, говоря как бы с самим собою. — Бог ему, может быть, нарочно дал такой вострый ум, чтобы все раскрыть людям до самого дна. А ежели с таким умом труднее уверовать, так за это покойника не проклинять, а пожалеть надоть и помолиться за упокой его души. Не по правде Божьей решил Святейший Синод.

На другой день приехал Илиодор. Он был в то время свирепым черносотенцем. Когда я изложил ему те же соображения о Толстом и сослался на согласие Григория, он ничего не взял в толк.

— Я и тебя, и старца готов слушать во всем, — возразил он, — но в этом деле понимаю без вас: я был в Духовной академии и знаю, что прославлять анафему царским именем нельзя. Анафема так и есть анафема — и ничего больше!

Сказал, как отрезал. Страстный по темпераменту, пылкий оратор с большим даром слова, но без дара мысли и глубокого понимания, неукротимый в порывах честолюбия, он всегда казался мне каким-то боевым петухом в монашеской рясе, но совсем не монахом, не отшельником мира сего. Этот страстный, петушиный элемент скоро окончательно возобладал в нем над монашеским смирением и метнул лихого черносотенного казака в противоположенную крайность, — до большевистского комиссарства включительно. Впрочем, и там ему не повезло: по последним сведениям, он служит теперь где-то в большой казенной гостинице швейцаром по особой протекции Сталина, бывшего своего однокашника по духовной семинарии*.

Удивительная духовная чуткость Распутина

У Распутина не было ни духовного сана, ни образования, ни ораторского таланта Илиодора, но зато был, несомненно, крупный мистический дар, тонкая восприимчивость и связанное с восприимчивостью

* Ошибка Гофштеттера: Иосиф Джугашвили (Сталин) с сентября 1894 г. был зачислен в православную Тифлисскую духовную семинарию, а Илиодор обучался в Новочеркасской семинарии. В мае 1922 г.

Илиодор эмигрировал из Советской России в Германию, а затем в США, где некоторое время работал швейцаром в гостинице в Нью-Йорке.

поразительно чуткое понимание душевного строения и душевного состояния людей.

Один из моих знакомых, граф О[рло]в, настойчиво просил привезти к нему Распутина. Тот пришел и, едва взглянув на хозяина, почти сразу уставился на стенной портрет его давно умершей сестры.

— Кто эта девица? — почему-то с ноткой строгости спросил он немножко шокированного таким обхождением графа.

— Это моя покойная сестра. Она умерла двенадцать лет тому назад.

— Глянь-ка, глянь-ка, — дернул Григорий меня за рукав, — вот лик-то ангельский, вот душа-то непорочная! Таких немного увидишь на свете.

Действительно, сестра О[рло]ва была человеком исключительной чистоты. Дочь богатой аристократической семьи, она влюбилась в земского врача, заведовавшего графской больницей, и когда он умер от дифтерита, выхаживая безнадежно больного крестьянского мальчика, она не имела силы пережить своего героического избранника. Семейной драмы О[рло]вых в Петербурге почти никто не знал, но для чуткого, восприимчивого Распутина весь душевный строй возвышенной девушки стал совершенно ясен при первом же взгляде на ее портрет.

— Как ты хорошо угадываешь человеческую душу, Григорий, — невольно похвалил я его.

— Не угадываю, а глазами вижу, вот как этот стол и патретную книгу, — указал он на толстый графский альбом. — Что ты думаешь, человеческое лицо не живое, что ли? Пойди по бойкой улице и смотри на встречающих людей. Они идут тебе навстречу, и такие друг на друга похожие, и такие разные, и каждый на лице своем несет и свою мысль, и свою заботу. На его лице все просвечивается, что у него на уме и на сердце есть. И тогда видишь, что бегут тебе навстречу не люди-человеки, а разные человеческие думы, скорби, радости и заботы, не шубы и тела, а живые, только прикрытые телом души людские. Ты эти живые души глазами видишь, вот как бумага на портрете.

Другой не менее типичный пример его чуткости сохранился в воспоминаниях моей жены, которые я привожу в ее изложении.

«Как-то под вечер приехал Григорий Ефимович в сопровождении неизменной генеральши, Акулины* и своей старшей дочери Матрешы. Торопливо снимая с себя пыльные плащи и шляпы, приехавшие жаловались на городскую духоту, на тесноту и давку в вагоне и устало усаживались в плетеных креслах и качалках. Генеральша

* *Никитина Акулина* — одна из секретарш и почитательниц Распутина.

Ольга, недавно элегантная дама, изящным жестом развязывала свою белую косынку, которую носила теперь вместо дорогих и нарядных шляп. Мы расположились на террасе верхнего этажа; внизу темнел сад; открывшаяся с нашей Поклонной горы даль уже затягивалась легкой дымкой тумана, а небо еще горело закатным золотом и розовым светом.

Все вдыхали чистый и уже прохладный вечерний воздух и рассеянно следили, как вдали под горкой среди кудрявого темного леса то и дело пробегали финляндские поезда, свистя, и постукивая, и блестя сквозь деревья зажигающимися огоньками. Разговор еще ни на чем не остановился и скользил с предмета на предмет. На террасе накрывали большой чайный стол, и все ждали появления самовара.

Как раз в эту минуту пришла и приехавшая со следующим поездом племянница Валя, высокая стройная девушка с большими и неласковыми черными глазами на бледном усталом лице и великолепной косой, немного оттягивающей назад маленькую головку.

Здоровье было у нее неважное, жизнь трудная и тяжелая. Быть может, оттого она была всегда со всеми очень суха в обращении и как-то не по-молодому неприветлива ко всему миру.

Она холодно подала всем руку и, ни минуты не останавливаясь на новых знакомых, присела к старой тетке в стороне от гостей. Распутин глядел на нее пристально и удивленно.

— Господи! — взволнованно проговорил он вдруг. — Умер твой жених?

Этот неожиданный вопрос к только что вошедшей девушке взволновал и ее. Она вся вспыхнула, так что даже жалко ее стало. Я поспешила как-нибудь замять неловкость обращения Распутина.

— Что вы, Григорий Ефимович, о каком женихе вы говорите? Наша Валя и не собиралась замуж.

— А кто же умер? — спросил он уже растерянно и недоуменно. — Что за горе у ней? Бедненькая!

Валя возмутилась.

— С чего вы взяли? Какое горе? Никакого жениха, никакого горя...

— Да разве я не вижу печали души твоей? — настаивал Распутин. — А может, ты и в Бога не веришь? — неуверенно предположил он.

— Почему вам надо это знать, — надменно и негодуя протестовала Валя, — во что я верю и во что не верю?

Распутин махнул рукой в сторону заката на вечеряющий сад, где вершины деревьев темнели на светлом небе.

— Вон погляди, ведь каждая травка молится Богу, тянется к Нему и радуется. Радуется и молится. Отчего у тебя этой радости нет? Твоя

печаль — Богу скорбь и оскорбление. Оскорбление всему Божьему творению, всей жизни на земле. Ты вот дитя еще, а в глазах веры нет, пусто и скорбно в них.

— Зачем вы все это мне говорите? — окончательно возмутилась своенравная Валя. — Я совершенно не понимаю. Моя душа, моя вера, моя жизнь вас совершенно не касаются, и я никакого желания не имею об этом говорить.

Она встала и ушла в другую комнату. Распутин, глядя ей вслед, бормотал, не обращаясь ни к кому:

— Несчастливая она, жизни она не видит, глаза у нее какие. Жалею ее. Больно молода еще. И сколько таких у вас здесь! — обратился он с грустью к окружающим. — У нас в деревне люди другие. Мы все там Бога чувствуем, не как вы. Откуда эта слепота на вас находит?»

Григорий действительно умел читать в сердцах и нередко с первой встречи говорил людям об угнетающих их души тайных драмах, чем многих приводил в глубокое изумление, смешанное с чувством страха и благоговения. Сверх того, он покорял людей, особенно светских, избалованных излишеством почтения и, может быть, втайне для самих себя немножко утомленных церемониалом отношений, удивительной простотой обращения. Каждого и каждую он встречал как родного брата или родную сестру. Всем это нравилось, потому что все люди, даже самые высокопоставленные, несмотря на механическую привычку к льстивому подобострастию, в глубине души инстинктивно и бессознательно ждут и ищут простого братского приветствия. Знатным титулованным дамам было очень приятно слышать, как корявый мужик попросту ласково зовет их по именам и говорит им «ты».

— Ну что, Аннушка, закручинилась? — и ласково потреплет ее по плечу.

— Лиза, напиши от меня генералу, что я прибуду к нему во вторник к вечеру...

И Аннушка, и Лиза сразу расцветают душой. Он многих покорял именно этим могучим соблазном простоты. Приветливое и сердечное отношение со стороны постороннего и темного человека заставляло самых высокопоставленных особ, внутренне истомленных почтительной лестью, морально воскресать от сознания: «Значит, есть во мне что-то высокое и человеческое, если даже совсем не знающий меня какой-то сибирский странник с первой же встречи говорит со мной так по-человечески, прямо на “ты”, без всяких чинов, титулов и светских миндальностей». Многие высокие персоны шли на это, как на подкуп. Такое детски-упрощенное обращение занимало большое место в ряду тайных и явных распутинских чар.

О распутинских раутах

Чем больше присматривался я к распутинцам, тем резче бросалось в глаза полное отсутствие у них какого бы то ни было учительства. Те собрания, на которые мне приходилось попадать, обыкновенно имели вид званых обедов, причем главный интерес дам сводился к тому, чтобы сесть как можно ближе к «старцу». Разговоры носили преимущественно частный или получастный характер. Распутин говорил с той или другой его поклонницей о ее личных делах или волнующих ее вопросах; другие подходили и прислушивались. Для обсуждения каких-нибудь более важных вопросов он нередко уходил с Вырубовой (ближайшей дамой к императрице) в кабинет хозяев, иногда вызывали и меня, чтобы о чем-нибудь посоветоваться. Наиболее фанатичные поклонницы находили моральное и религиозное удовлетворение в том, чтобы прикоснуться к его одежде, что-нибудь съесть с его тарелки или проглотить остаток чая из недопитого им стакана. Иногда между самыми иступленными распутинками возникало что-то вроде легкой борьбы за ополоски стакана или за грязную тарелку обожаемого «старца».

При всем своем огромном, наполовину бессознательном и очень трудно формулируемом духовном богатстве Распутин, в сущности, ничего не давал и не открывал. Его религиозная деятельность сводилась к тому, чтобы время от времени появляться среди своих поклонников, принимать от них почести и просветлять их души одним своим присутствием. Он это и делал: куда-то уезжал, откуда-то приезжал, причем все его поклонники должны были периодически то сопровождать его, то встречать и принимать.

Меня он привлекал к себе больше всего своим глубоким и деятельным умом, широкими философско-мистическими исканиями, самобытной вдумчивостью, необычайной прозорливостью темного человека и поразительной восприимчивостью к тому, что находится за пределами его логического понимания. Кроме того, я задумал использовать его растущее влияние в царской семье по земельному вопросу, от правильного решения которого в тот исторический момент всецело зависела вся судьба России. Эти политические планы и расчеты легли в основу моих отношений с ним, а впоследствии они же послужили главной причиной нашего расхождения. В предреволюционные годы я чувствовал весь ужас стихийно надвигавшегося государственного кризиса, мучился своим бессилием и полной невозможностью предупредить неизбежный развал и не мог прощать бездействие тех, кто по своему положению и близости к представителю верховной

власти был в силах дать другое направление грядущим событиям. Неограниченная монархическая власть казалась мне колоссальным орудием социального прогресса. При мало-мальски ясном представлении о том, что назревает в сердце народа, при сколько-нибудь верном понимании исторических корней и социальных проблем русского государства так легко было направить дальнейшее течение русской жизни в новое широкое русло. Только бы поняли, только бы сорвали повязку с глаз — и спасение перед ними, — и спасение не только для них, но и для всего русского народа, быть может, для всей мировой цивилизации. Но как назло, монарх, который держался только преданностью крестьянских масс и призван был охранять их экономические интересы, был целые века совершенно изолирован от деревенского люда, как глухой стеной окружен представителями высших классов, делавших из его власти послушное орудие своих классовых интересов, своего экономического хищничества и политического господства. И когда капризная судьба пробила эту стену, и поставила около царя деревенского мужика, и наделила его в глазах всей царской семьи высоким, почти беспредельным авторитетом, можно ли было не проникнуться надеждой на спасение, не отдаться наивной мечте предупредить кровь и ужас назревающей революции смелыми социальными и земельными реформами?

С такими мыслями, надеждами и планами мне приходилось общаться не только с Распутиным, но и с роящимися вокруг него распутицами, посещать их собрания, быть участником их обедов и раутов.

